

A

R

T

S

+

Ирина
Никитина

Энигма

Беседы с героями
современного
музыкального мира

Издательство АСТ
Москва

УДК 78
ББК 76.032+85.31
Н62

Никитина, Ирина Анатольевна.

Н62 Энигма. Беседы с героями современного музыкального мира / Ирина Никитина. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 400 с. : ил. – (ARTS+).

ISBN 978-5-17-135318-6

Для этой книги были отобраны самые яркие из бесед цикла «Энигма» телеканала «Культура». Героями этой книги являются выдающиеся мировые деятели музыкальных искусств: Эвелин Гленни, Теодор Курентзис, Аида Гарифуллина, Хосе Кура и другие. Книга помогает познакомиться с каждым героем лично, узнать, что такое современная музыка и как герои добились успеха, с какими трудностями героям приходится встречаться сегодня, и как они оценивают свое творчество и работу коллег.

Ирина Никитина проводит в книге уникальные интервью, которые помогут почувствовать музыку здесь и сейчас.

УДК 78
ББК 76.032+85.31

ISBN 978-5-17-135318-6

© Никитина И.А., Рылеев А.В., 2021
© М.Л. Николаева, составление, 2021
© ВГТРК, материалы и иллюстрации, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Оглавление

Благодарности, 5

Эвелин Гленни,
39

Криста Людвиг,
81

Мизия,
133

Риккардо Мути,
183

Предисловие, 6

Марис Янсонс
9

Теодор Курентзис,
65

Элина Гаранча,
103

Патриция Копачинская,
159

Аида Гарифуллина,
221

Андреа Бочелли,
243

Бобби Макферрин,
275

Гия Канчели,
295

Хосе Кура,
313

Люка Дебарг,
339

Тан Дун,
359

Асмик Григорян,
385

Благодарности

Цикл программ «Энигма» на канале «Культура» возник благодаря легендарному деятелю нашего (постсоветского) телевидения, директору Петербургского филиала «Культуры» Бэлле Алексеевне Курковой. Именно она поверила в меня и практически уговорила попробовать себя в роли автора и ведущей, а потом настойчиво и методично убеждала руководство в Москве позволить сделать четыре пилотные передачи... Так начался цикл «Энигма». Сейчас в нашей коллекции более 120 программ. Я бесконечно благодарна своей съёмочной группе, Алексею Чачбе, Михаилу Трофимову, Оксане Камышевой, редактору книги Марии Николаевой и, конечно, моей бесценной соратнице и помощнице Марии Балакиной за верное и чуткое отношение, понимание и поддержку.

Предисловие

Мне 12 лет.

Ленинград. Белые ночи. Большой зал филармонии. Концерт заслуженного коллектива Ленинградской филармонии с самим Мравинским! Полный аншлаг. Мой папа, легендарный виолончелист Анатолий Никитин, первый концертмейстер группы виолончелей в этом оркестре, всегда обеспечивал меня билетами на лучшие концерты. А тут произошел какой-то сбой, и я осталась без билета. Огорчившись, сразу стала искать выход из положения... и он нашелся. Среди моих школьных друзей были такие же сумасшедшие любители музыки и, конечно, же приключений.

Во дворе Ленинградской филармонии находился жилой дом. В те замечательные времена входные двери были нараспашку, так же, как и двери на чердак. Так вот, между бортиками крыши этого дома и бортиком крыши филармонии был всего метровый пролет, но в компании его, несомненно, можно же проскочить! Маленькая группа единомышленников — три мальчика и одна девочка — это я — без малейшего сомнения, четко спланировав, точно в назначенный час ринулись штурмовать крышу и, весело держась за руки, преодолели все препятствия, перепрыгнув реальную пропасть. Так мы оказались, наверное, на самых необычных местах в этом великолепном зале — возле больших полукруглых окон под его сводами. Тогда летом окна всегда были приоткрыты, а между рамами можно было расположиться в огромной нише — просто царская ложа для безбилетников. Так мы и сделали.

И вот оркестр на сцене. В зале тишина. Публика ждет выхода дирижера. Мы тоже затаились, не высовываясь, чтобы нас не заметили до начала концерта. И как только концерт начался, мы, конечно, вынырнули и свесили головы вниз. До сих пор помню это ощущение взвившегося столба — подымавшейся вверх музыки. Что-то волшебное, объемное, неземное, без

гравитации. Концерт был незабываемый. Только два момента омрачили это событие: первое — мой папа, который, как назло, сидел на сцене ровно напротив нас, а его манера исполнения была всегда столь вдохновенной, устремленной вверх, оторванной от нот, — и вот в один из таких моментов он обратил свой взгляд на это окно под самой крышей, где, конечно, никогда не было людей, и тут он их увидел. И увидел меня... Реально побелев от ужаса, он чуть не упал со стула. Ну и второе — снимала-то нас оттуда милиция. Хорошо, что возраст 12 лет для любителя искусства, который пусть с риском для жизни, но пробрался на концерт, — мощное оправдание, тем более что чувство вины меня вообще не тяготило — билета-то на концерт у меня не было. А запомнилось на всю жизнь это безумное ощущение счастья от магического воздействия музыки, впечатление невероятного праздника, многогранного, радостного и одновременно сокровенного, и самое пронзительное чувство полета, парения. И до сих пор для меня музыка — самая высшая и чистая энергия! Кстати, окна эти потом закрыли...

Примерно с таким же чувством азарта и легкости сочинялась программа «Энигма». Я в очередной раз прыгнула в незнакомое пространство. Играючи. Я не журналист и не знаю, как надо брать интервью. Но моему главному правилу жизни я следую и здесь — говори, что думаешь, и делай то, что любишь. И только тогда это будет правдой! Для всех! Для героев и для зрителей.

Марис
ЯНСОНС

«Ирочка, вы просто продлили Марису годы жизни. С тех пор, как у нас появился Микки, у Мариса ничего не болит!» — говорила мне каждый раз Ирина Янсонс, супруга Мариса. Однажды, пообщавшись с моими собаками породы Petit Grabanson — черной Тарой и рыжим Ганди, Марис и Ирина безоговорочно влюбились в них. А вскоре у них появился такой же — маленький, рыженький песик, который сопровождал Мариса и Ирину по всему миру, принося им именно ту особую «собачью» радость, которую могут дарить только животные. После концертов Мариса за кулисами образовывались даже две очереди — к самому Марису и к Микки, который любвеобильно приветствовал каждого гостя на фестивале.

В Зальцбурге, когда Марис бывал свободен, а мы с супругом шли на концерты фестиваля, мы часто оставляли ему свою собачку и всегда смеялись, что у нашего питомца самый заботливый dog sitter.

А если серьезно, Мариса я знала всю свою жизнь, с рождения. У нас всегда были очень теплые отношения. В программе «Энигма» он был одним из первых героев, а некоторые интервью появились исключительно благодаря его советам и содействию.

Январь 2016 года

Ирина: Марис, вы почетный член Музикферайн, Общества друзей музыки в Вене, — на мой взгляд, это одна из ваших самых значимых наград. Из наших соотечественников это звание присуждалось Евгению Мравинскому и Давиду Ойстраху, но это был XX век, а сейчас XXI. Наш российский, латышский дирижер Марис Янсонс.

Марис: Спасибо, да. Это правда.

Ирина: Вы гордитесь этим званием?

Марис: Конечно.

Ирина: Перенесемся в Вену, где 1 января 2016 года в 10 утра по европейскому времени из невероятно красиво украшенного,

заполненного зала Музикферайн на 90 стран передавали новогодний концерт оркестра Венской филармонии, за пультом Марис Янсонс. Я знаю, что вы готовились очень-очень тщательно и долго, а казалось бы, легкий праздничный концерт — вальсы, галопы, польки.

Марис: Я готовился целый год. Всегда, а это мой третий новогодний концерт, безумно кропотливая и трудная работа выбора репертуара. Нужно, чтобы произведения не повторялись — то есть если вы играли что-то в прошлом году, вы не играете в этом. Зрители ждут, конечно, очень популярных хитов, но должны быть произведения, которые никогда не исполнялись. Конечно, помогает, если можно приурочить концерт к дате, скажем, рождения композитора или какого-то события. Все равно это сложная работа. К тому же, если произведение меня не волнует, я его не дирижирую. Я работаю с Венской филармонией, и бывает так — они хотят, я не хочу. Но мы никогда не доходили до конфликта, всё-таки понимали друг друга и шли навстречу. В этот раз получилась, пожалуй, самая интересная программа.

Ирина: Там был потрясающий эпизод с extrapost, когда почтальон в старой униформе доставил вам дирижерскую палочку. Это чья была идея?

Марис: Моя. В концерте никогда не помешает немножко юмора...

Ирина: Сигнальный рожок, на котором вы сами играли? Да?

Марис: Да. И охотничий рожок. Имеется в виду, что это поезд, он называется «поезд удовольствия», сигнализирует, когда едет. Правда, это не я придумал, когда-то давно это исполнил Карлос Клайбер, я просто повторил. Потом оркестр в каком-то произведении может запеть или повздыхать. У меня они свистят в «Венских девушках». Довольно сложно, надо было свистеть в два голоса. Я думаю, что это очень интересно и немножко разнообразия придает программе.

Ирина: В 2016 году концерт был посвящен 70-летию Организации Объединенных Наций, и вы сыграли марш Роберта Штольца — гимн ООН.

Марис: Да, многие относились к этому весьма скептически — Роберт Штольц опереточный композитор, но я отстоял: во-первых, это замечательная музыка, а во-вторых, Роберт Штольц был очень связан со Штраусом, его оркестр исполнял Штрауса часто. Для начала концерта этот марш был буквально в точку.

Ирина: Когда был ваш дебют с Венской филармонией?

Марис: Думаю, в 1986 году.

Ирина: 30 лет назад! Как же они вас любят! Вы практически ежегодно с ними выступаете.

Марис: Венская филармония особая, это все знают. Замечательный оркестр. У них очень высокая требовательность, качество и честолюбие.

Ирина: Во всех оркестрах мира, кроме Венского, есть главный дирижёр, и, как правило, музыканты оркестра сами его выбирают.

Марис: Думаю, что самое правильное, когда оркестр выбирает главного дирижера, ведь оркестру нужно будет работать с ним. Когда другие инстанции или министерство включаются, это часто приводит к конфликтам. Но на сегодняшний день оркестры работают с дирижерами не такие длительные сроки, как было раньше. Сейчас 10 лет, и пора что-то менять.

Ирина: Марис, вас выбрали многие оркестры, и в том числе замечательный оркестр Концертгебау в Амстердаме. Вы там проработали больше десяти лет. Стал ли этот город вам немножко родным?

Марис: Конечно, я не могу сравнить его с Петербургом, который я обожаю. Очень многие люди думают, что я уехал из Петербурга, а я никогда никуда не уезжал, я работал и работаю на Западе, но живу в Петербурге. Другое дело, что редко бываю, но здесь моя квартира, здесь мой дом. А Амстердам очень интернациональный город, очень культурный. Развита живопись, театры, опера, симфоническую музыку

очень-очень любят. Всегда на 99 процентов распроданы билеты, и это очень много.

Ирина: Одновременно вы возглавляли оркестр Баварского радио в Мюнхене. С ними вы получили «Грэмми» в 2005 году?

Марис: «Грэмми» мы получили как раз за тот диск, куда входил «Бабий Яр», 13-я симфония Шостаковича. Обычно оркестры записывают циклы симфоний Бетховена или Брамса, или Чайковского. А моя идея была другая — показать, как разные оркестры играют нашего гениального композитора Шостаковича, которого я обожаю. Но именно запись с оркестром Баварского радио выиграла «Грэмми». Это замечательно, конечно. Очень приятно.

Ирина: Шостакович не просто гениальный композитор, а еще и человек, который всю жизнь проявлял свою гражданскую позицию. Насколько для вас важна нравственная позиция?

Марис: Мне кажется, что каждый художник, каждый исполнитель имеет какие-то принципы, кредо и старается идти по своему пути. Бывает, вы меняете мнение или взгляд на что-то, но в принципе, я думаю, у каждого, особенно если он уже прожил творческую длинную жизнь, сложилось свое представление о жизни, о морали и качестве. Для меня качество — это очень важный фактор, о котором сегодня люди часто забывают. Мы теряем качество, мы теряем профессионализм, причем во всех профессиях. Поэтому необходимо, чтобы принципы не менялись, были нравственно и морально на высоте, чтобы из-за обстоятельств, которые складываются в вашей жизни, в искушении, вы не начали сворачивать на какой-то другой путь, неправильный. Эта вот принципиальность, искренность, и честность вообще, и подход к музыке, к исполнительству — для меня является одним из самых главных критериев.

Ирина: «Безупречно честный музыкант» — такое очень точное определение вам дали в немецкой прессе. Потрясающая характеристика! С профессией дирижера связаны такие определения, как тиран, человек, который навязывает свою волю. Дирижер кажется всемогущим. Вы же предлагаете совершенно другую модель общения с оркестром, и более уважаемого

и любимого всеми музыкантами дирижера я не знаю. Все хотят с вами работать, и это доказательство высшего авторитета. Неужели возможна такая система ценностей в отношении дирижера и оркестра?

Марис: Спасибо за такие слова, но должен сказать: я ничего не делаю искусственно, не вырабатываю какой-то метод или способ завоевать симпатию. Я совершенно убежден, что дирижер должен быть за пультом таким, каков он есть в жизни. Музыканты очень чувствительные люди, они уже через минуту знают, кто перед ними стоит, и с точки зрения творческой, и человеческой, поэтому и возникает между дирижером и музыкантом такая аура, энергия. В этом и есть секрет. Объяснить, что такое дирижер, очень сложно, потому что он сам звуку не издает.

Ирина: Оркестр — его инструмент.

Марис: Да. Он только, как говорится, руками двигает. Это как раньше снимали фильм без звука: смешно — стоит человек и машет руками. А когда вы слушаете, если вас покоряет обстановка, атмосфера, значит, установилось между дирижером и музыкантами нечто совершенно необъяснимое. Я это называю талантом. Когда приходят молодые дирижеры, я могу через минут пять-десять достаточно справедливо сказать, есть у этого человека талант или нет.

Ирина: Диагноз.

Марис: Да. Потому что он может очень красиво махать руками, может быть замечательным музыкантом, очень много знать музыки, но у него нет самого главного — он не может своей энергией, своими флюидами увлечь оркестр. Еще очень важно, чтобы человеческие отношения всегда оставались между дирижером и музыкантами. Я всегда помню о том, что музыканты мои коллеги. Да, правильно, дирижер я, у меня много власти, но с меня много и требуется. Кто-то должен быть лидером. Если мне что-то не нравится, не может быть так, что я не скажу. Я могу даже, может быть, не кричать, это я, пожалуй, не буду делать, это неприлично, но с металлом в голосе могу сказать музыкантам, что надо исполнять. Но они это тоже

ценят, потому что видят, что я не пойду ни на какие компромиссы в смысле качества. Очень важен характер человека. Вы знаете, как бывает, молодые дирижеры думают — я стал дирижером, меня назначили главным, и вот он уже несет себя как великий человек. А музыканты это сразу видят, и выстраивается стена между ними. Музыканты должны уважать дирижера за его профессиональные качества, за фантазию, интерпретацию, за то, что дирижер может им что-то рассказать и от них потребовать. Вот тогда будет авторитет.

Часто попадаешь в сложные ситуации, когда ты главный дирижер. Я маленький пример приведу. Вот, скажем, музыкант, у него своя жизнь, дети, проблемы, и он приходит и говорит: маэстро, у моей тещи или мамы 80-летие, большой праздник, и мы хотим отметить, нельзя ли меня отпустить с репетиции. С точки зрения человеческой я его понимаю, и я бы хотел отпустить. Или музыкант говорит: я играю концерт с квартетом в таком-то городе. Это большое событие, он, может быть, никогда нигде не выступал, и для него это единственная возможность, он просит отпустить его. И получается страшный